

АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СРЕДНЕВЕКОВОГО
НЕСТОРИАНСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО
СОЧИНЕНИЯ «БАШНЯ» (*KITĀB AL-MAĠDAL*)
НА ПРИМЕРЕ ГЛАВ О ЛЮБВИ (*AL-MAḤABBA*)
И ЧИСТОТЕ (*AṬ-ṬAHĀRA*)

В статье рассматривается пример христианского апологетического дискурса, представленного в несторианской богословской энциклопедии – сочинении, написанном на арабском языке в средневековой Месопотамии. Автор этого сочинения иллюстрирует свой трактат о любви примерами самоотверженности пророков, в частности, Авраама и Иова (ср. отсылки к тем же примерам в Коране, сура 38) и затем возводит свою мысль к самопожертвованию Христа. В главе о чистоте он неоднократно подчеркивает облачение библейских и христианских подвижников во власяницу, что перекликается с образом мусульманских суфиев (араб. *taṣawwuf* «суфизм» обыкновенно считается производным от *ṣūf* «шерсть»). Исследование основано на рукописи с текстом *Kitāb al-maḡdal*, хранящейся в Национальной Библиотеке Франции – *BnF ar.* 190.

Ключевые слова: христианская апологетика, христианско-мусульманские связи, арабо-христианская письменность.

«Башня (или Крепость)» (*Kitāb al-maḡdal*) – арабоязычный письменный памятник¹, датируемый в основной своей части предположительно второй половиной X – началом XI в. и представляющий собой своего рода богословскую энциклопедию, написанную в русле восточносирийской («несторианской») традиции. В рукописи, содержащей полный текст «Башни» это произведение занимает более тысячи страниц, заполненных компактным арабским письмом.

Об известности этого сочинения за пределами восточносирийской традиции свидетельствует, в частности, тот факт, что арабоязычный коптский автор XIV в. Абū-л-Баракāt ибн Кабар (ум. 1324 г.) в состав-

ленном им «Каталоге» христианских авторов и их сочинений полностью воспроизвел оригинальное оглавление «Башни»², а также то, что в рукописи XIII в. (являющейся в настоящее время собственностью Национальной Библиотеки Франции MS ar.190), содержащей текст «Башни», нумерация страниц выполнена армянскими буквенными обозначениями чисел.

Вопрос авторства «Башни» достаточно сложен³. Традиционно ее основным автором считается 'Амр ибн Маттā ат-Тйрхāнй, а Мārй ибн Сулеймāн и Салйбā ибн Йўхāннā – дополнившими ее состав дополнительным материалом. Известный ученый-маронит XVIII в. Иосиф Симон Ассемани (1687–1768), автор обширной энциклопедии восточно-христианской литературы под названием «Восточная библиотека», вслед за вышеупомянутым Абў-л-Баракāтом ибн Кабаром, привел сведения о «Башне» в главе об 'Амре ибн Маттā (Сар. LVII: *Amrus Matthaei*)⁴ и так же, как Абў-л-Баракāt, воспроизвел оригинальное оглавление «Башни», снабдив его латинским переводом⁵. Достаточно долгую научную дискуссию по поводу авторства «Башни» в целом и авторского соотношения составляющих ее частей можно резюмировать, сказав, что последние исследования в целом поддерживают традиционное представление об авторстве⁶.

Структура произведения

Энциклопедия состоит из семи частей (*abwāb*) и тридцати входящих в эти части разделов или глав (*fuṣūl*).

Часть (*bāb*) первая не делится на главы. Она имеет заглавие «Изъяснение» (*al-bayān*) и посвящена Божественному бытию.

Вторая часть – «Строение»/«Здание» (*al-bunyān*) содержит три главы: (1) «Вершина» (*aḍ-ḍurwa*); (2) «Основа»/«Фундамент» (*al-asās*); (3) «Построение»/«Строительство» (*at-taṣyīd*). Эти главы посвящены единству Бога, жизни Христа, Троичности и Боговоплощению. Очевидно, что Единобожие предстает как «вершина», явление Христа – как «фундамент», а откровение о Троичности и Воплощении Слова – как «домостроительство» спасения.

Третья часть – «Столпы» (*al-arkān*) состоит из четырех глав: «О крещении», «О Евхаристии», «О Евангелии», «О кресте». Таковы четыре краеугольных столпа христианства.

Четвертая часть – «Светильники» (*al-maṣābīḥ*) содержит семь глав: «О благочестии», «О любви», «О молитве», «О посте», «О милосердии»,

«О смирении», «О чистоте». Таковы семь проявлений добродетели, семь «светильников» – «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5, 16).

Пятая часть – «Опоры» (*al-'umud*) тоже делится на семь глав, излагающих священную историю, то есть историю творения, историю спасительных событий и пророчеств и историю Церкви и в особенности Церкви Востока, представленную как последовательность глав о патриархах⁷. Завершает этот раздел глава о согласии Ветхого и Нового Заветов в их интерпретации Церковью.

Шестая часть – «Потоки» (*al-ḡadāwil*) складывается из четырех глав, и описывает богослужебные практики: (1) молитву на Восток; (2) почитание воскресного дня; (3) крестный ход, возжение светильников, каждение; (4) покаяние. Таким образом описывается «течение» церковной жизни.

Наконец, седьмая часть – «Сады» (*al-ḥadā'iq*) состоит из четырех глав и посвящена вопросам свободы христианства от основанных на ветхозаветных предписаниях иудейских обычаев: (1) об отмене обрезания; (2) новозаветное отношение к субботе; (3) освобождение от пищевых запретов; (4) опровержение иудейских претензий. «Сады», окружающие «крепость», вероятно, одновременно призваны вызвать образ райского Сада, и символизировать предвосхищение в христианстве райского благодетия.

Заключительная часть «Башни» свидетельствует о наличии у этого произведения не только черт, характеризующих его как церковную энциклопедию, но и апологического аспекта. Собственно, апологический аспект виден уже в развернутом названии: *Kitāb al-maḡdal li-l-istibṣār wa-l-ḡadal*, т.е. «Книга “Башня (или Крепость) для обозрения и диспута”».

Для темы аскетике особенный интерес представляют главы четвертого раздела «Башни», именуемого *al-maṣābiḥ* («Светильники») и посвященного добродетели.

Присутствует ли в этих главах апологическое измерение, заявленное автором в заглавии? И если да, каково оно, и кому адресовано апологическое «послание» в качестве оппонирования? На примере двух (из семи) глав этого раздела, а именно «О любви» и «О чистоте», можно проследить некоторые дискурсивные приёмы автора «Башни» и составить представление о ее апологической тональности в целом.

Глава «О любви»

Глава «О любви» (*al-maḥabba*)⁸ открывается рассуждениями, представляющими собой попытку дать определение столь неуловимому предмету. Как и многие другие части «Башни», эта часть написана рифмованной прозой:

*al-maḥabba nuḡaḥ aṣ-ṣalāḥ, wa-milḥ al-falāḥ.
bi-l-maḥabba yakmal aṣ-ṣafā, wa-turtaḡā az-zulfa,
wa-yadūm al-wafā, wa-taṭūl al-'ulfa*⁹.

*Любовь – успех благочестия и соль благоденствия;
любовью усвершается чистота, и становится желанной
благосклонность,
продолжается преданность, и длится приязнь.*

*al-maḥabba at-tāmma takūn li-Llāh wa-n-nās 'āmma.
al-maḥabba al-kāmila ni'ma šāmila.*

*Любовь полная бывает Богу и людям общая.
Любовь совершенная – благодать полная.*

Христианское представление о любви изложено достаточно последовательно:

Любовь – первый из десяти *айатов*, ниспосланных пророку Моисею и народу, и лучшая из заповедей Евангелия, призывающих к повиновению Господу. И еще сказано: блажен, кто выбрал любовь чистую, блажен, кто исполнил любовь и усердствовал в ней. ... Сказал Господь наш Христос в Евангелии просвещающем: «Уподобьтесь в любви Отцу [fol.166v/P.329/ⲄⲔⲖ] Небесному, Который низводит дождь Свой на каждую тварь, на добрых и злых, и возводит солнце Свое на праведных и нечестивых. Если вы возлюбили того, кто любит вас, какое достоинство будет вам? Так ведь и злодеи поступают. Возлюбите врагов ваших, делайте добро тому, кто ненавидит вас. Как вы любите, чтобы поступали с вами люди, так вот [и вы] поступайте с ними, чтобы быть вам сынами Вышнего. ... Сия есть заповедь Моя да любите друг друга. Нет большей любви, чем когда сделал человек себя искуплением за любимых/друзей его».

Затем предсказуемо следуют цитаты из посланий апостолов Павла, Иоанна и Иакова. Автор «Башни» также традиционно указывает на связь любви, веры и знания:

Благодаря любви является чистой религия и правильным твердое знание. И воистину продолжается приязнь между верными. И любовь, если является чистой от лицемерия, злобы и фальши, уничтожает невежество и объединяет обладателей разума.

Связана любовь и с подвижничеством:

Самое благородное в аскетизме – это повиновение Богу, любовь к людям и чистота тела. И самое полное счастье – это радость от хороших качеств людей и цельность/незатронутость сердца завистью. И человек, у которого нет любви – как глаз без света, и крепость без воды, и деревья с листьями, но без плодов, и солнце, не испускающее света и тепла. И любовь людей к Богу – возвышенно Имя Его! – это очищение веры Господством Его и исповедание веры в благодать того, что Он пообещал по Своей милости, это хранение заповедей Его и *сунн* Его и соблюдение их... и уклонение от страстей преходящего мира (букв.: мира исчезновения) ради Него.

Далее автор переходит к главной теме этой главы – теме жертвенности и самоотверженности как следствий любви:

И если исполнилась любовь, то от нее ответвилась благожелательность к любимым. И родилось желание отдавать [fol.168v/P.333/ⲘⲗⲒ¹⁰] благо и совокупность желаемого и просимого, и вменилось в обязанность утешение близких, и преданность, и взаимная чистота в том, что скрыто, и том, что явно. И потребовала она участия в перенесении нежеланного (т.е. неприятностей) у них и от них, а также отдачи имеющегося и возможного им и от них. ... И постановил (букв.: сделал

сунной) Господь Христос этот образ действия словом и делом, и сказал: «Я вручил душу Свою ради Моей паствы и отдал ее для убиения во искупление за Моих овец, и вот, так делает пастух благой, который владеет его овцами и жалеет их». И призвал Он (благословение) во время распинания [Его] на врагов Своих. И сказал: «Прости им, Отче, ибо нет у них знания о мере того, что они сделали».

О том, что именно эта тема представляется автору «Башни» главной, свидетельствует то, что именно к ней у него подобраны библейские примеры. Отметим, что эти примеры ветхозаветные, и главные действующие лица в них – пророки:

- Авраам готов был пожертвовать собой ради Лота, захваченного в плен.

- Лот проявляет самоотверженное гостеприимство по отношению к Ангелам.

- Моисей молится о том, чтобы Бог простил согрешивший народ и предлагает себя на истребление за них.

- Аарон готов был пожертвовать собой за народ, чтобы спасти его от гибели.

- Праведный Иов приносил жертвы Богу за грехи людей и просил прощения за них перед Ним.

- Пророк Давид молился: «О Господи... наведи гнев Своей на меня и на жителей дома отца моего и помилуй этих несчастных».

- Иона сын Матты, «убегая, ехал по морю, и усилились волны с кораблём, и узнал он, что это из-за него, и позволил самого себя, в противовес [остальным] людям, бросить живым в пучину моря. И двинулся корабль спасенным».

- Даниил пророк говорил в своей молитве во рве львином: «не прошу Тебя, Господь мой, избавления души моей, разве если пожелаешь Ты, но желание мое именно в том спасении, чтобы вернулся этот народ к поклонению/служению Тебе».

Завершается глава о любви несколько неожиданным, как может показаться на первый взгляд, повторным обращением к примерам Авраама и Иова:

Ею был предпочтен Авраам всем остальным богобоязненным. [fol.170v/P.337/ⲬⲚⲟ] и был причислен к лучшим, пречистым и праведникам, и ее действием возвысился Иов над всеми людьми времени.

Глава о чистоте

Глава о чистоте (*aṭ-ṭahāra*)¹¹, последняя в четвертом разделе («Светильники» – *al-maṣābīḥ*). Это, как и следовало бы ожидать со стороны монашествующего автора, своего рода похвала или ода монашеству как образу жизни.

В то же время автор «Башни» подчеркивает, что для Бога равноценны монашествующий и немонашествующий пути устремления к Нему, что демонстрируется примерами, в частности, Еноха и Илии. Енох был женат и был восхищен Богом на небеса, а Илия был неженатым, и Бог вознес его огненной колесницей.

Объединяет обоих то, что они отвергли мир. Как мы видели в главе о любви, любовь к Богу проявляется в «уклонении от страстей преходящего мира (букв.: мира исчезновения) ради Него». Явление Христа указало подлинный путь, обличило зло мира, ведущее в погибель, и побудило возжелать аскезы и уединения.

Взамен отказа от мирских благ последователи Христа получили прекрасные и восхитительные блага мира сокровенного: они могли совершать знамения, свидетельствующие о проявлении мира сокровенного в мире сем, творить чудеса. Их лица побледнели от аскезы, но светились блаженством. Они стали гонителями зол этого мира: исцеляли больных, изгоняли демонов, воскрешали умерших.

Мир, который они отвергли, пришел к ним на поклон. Даже цари и владыки приходили к подвижникам за благословением и молитвами. Сильные мира сего искали возможности поцеловать руки отшельников. Учившие других желали поучиться у них. Кончина отвергшего мир становилась событием, исполненным света и благоухания.

Автор «Башни» обращает внимание на само название монаха по-арабски и по-сирийски. По-арабски – *rāhib* – «боящийся» (подразумевается «боящийся Бога») и по-сирийски – *ihīdāyā* – «одиночка», «уединенный». Еще одно арабское название монаха – *dayrānī* – от *dayr* – «монастырь» вызывает у него ассоциации с Давидом, возлюбившим Дом Господень и воспевшим его в своих псалмах.

«Говорят, – пишет он, – что после апостолов собственно монашество началось с Антония, который наследовал Павлу [Фивейскому]». Однако затем автор «Башни» приводит обзорные списки подвижников христианства, «западных», как пишет он, и «восточных».

К западным он относит Макария, Марка [Подвижника], святого Палладия [автора «Лавсаика»], святого Иоанна [Златоуста], святого Арсения [Скитского], святого Серапиона Тмуисского, святого Василия [Великого], святого Милетия [?], святого Амвросия [Медиоланского], святого Павла [?], святого Иоанна [Апамейского?], святого Василия [?], святого Григория [Назианзина], святого Диодора [Тарского], святого Феодора [Мопсуестийского], святого Нестория [Константинопольского], святого Юлиана [Саву], святого Ефрема, святого Нарсая, авву Исайю, авву Иосифа, авву Агафона «и многих других».

Примечательно видеть Ефрема [Сирина] и Нарсая отнесенными к числу «западных». Причина этого, очевидно, в том, что и тот, и другой были связаны с приграничными (между Римской/Византийской и Персидской империями) городами – Эдессой и Нисивинном.

К «восточным» отнесены апостол Востока Марий, католикосы Папа бар Аггей, Шим'ун бар Сабба'е, Мар Шахдост, Мар Исхак, Мар Ава, Мар Савришо', Мар Хезкиэл, Мар Дадишо', Мар Гиваргис, Мар Йуханна, Мар Йа'ков, Мар Марута, Ма'на и другие.

Таким образом, мы видим, что автор «Башни» совершенно не выделяет некоего подобия византийскому чину «преподобных». Для него отвержение мира фактически тождественно преданности действительному христианству.

Затем следуют обзоры тех дел, которые призван совершать отвергший мирской образ жизни, а также тех дел, которых он должен избегать.

Есть у этой главы особенность, которая бросается в глаза и сама по себе, и тем необычно пристальным вниманием, которое ей уделено автором. Речь идет об *одеянии* отвергшихся мира.

На протяжении всей главы автор постоянно подчеркивает, что избравшие путь отвержения мира избирают своим одеянием одежду из шерсти, или власяницу. В определенный момент он сосредотачивает свое внимание на этой теме и посвящает ей значительную часть главы. Примечательно, что здесь, как и в других случаях, когда изложенный

тезис представляется автору особенно важным, он иллюстрирует его последовательностью примеров из Священного Писания.

Именно одежда из шерсти была предписана Адаму и Еве для ношения в мире сем. Затем, когда люди стали жить в городах, появились одежды из шелка, хлопка и льна – приятные на вид и мягкие для тела. Но выбор подвижников – это власяница, жесткая одежда из шерсти. Приведенные автором «Башни» примеры из Библии многочисленны. Прежде всего, это пророки Илия, Елисей и Иоанн сын Захарии, т.е. Иоанн Креститель. Но и цари облачались во власяницу в знак покаяния. Так же одевался апостол Петр и другие ученики.

«Шерсть» или «волос» по-арабски *šūf*. Суфизм по-арабски *taṣawwuf*, и основная теория происхождения названия «суфизма» связывает *taṣawwuf* с *šūf*, часто не задаваясь вопросом о том, почему, собственно, суфизм связан с шерстью¹².

Для автора «Башни» такая связь, вероятно, была делом само собой разумеющимся¹³: мусульманские подвижники суть не кто иные, как продолжатели библейско-христианской традиции подвижничества, и их отрешение от мирского – *zuhd* или *zahāda* – есть не что иное, как усвоение базовой установки библейско-христианского мировоззрения.

Посмотрим на главу о любви, с точки зрения предполагаемой апологичности такого рода в ее содержании. Мы видели, что автор «Башни» апеллирует к примерам ветхозаветных пророков, то есть к тем фигурам, которые по определению авторитетны для мусульман, поскольку их авторитет признан Кораном. Завершается глава указанием на Авраама и Иова. Излишне напоминать, что Авраам/Ибрахим и Иов/Айуб – коранические персонажи, и их преданность Богу – образец для мусульман (см. сура 38).

В то же время, приводя примеры Авраама и Иова, а также других пророков, наш автор указывает на важнейшее выражение их подвига, а именно самоотверженность. Вершиной самоотверженности или самопожертвования является Христос – *al-Masīh*.

Идея самопожертвования Христа не принимается исламской мыслью, поскольку Коран утверждает, что распятие Христа было иллюзорным, что это было лишь «подобие» (*tašbīh*) распятию, а в действительности Бог восхитил Христа из рук его врагов. В главе о кресте автор «Башни» вынужден оппонировать такому воззрению напрямую¹⁴. Но здесь он обращает внимание своего возможного му-

сульманского читателя на самоотверженность ветхозаветных патриархов и пророков – фигуры бесспорные.

Заключительные замечания

Время создания «Башни» – это время торжества арабской культуры. Арабское владычество охватывало множество стран – от Туркестана на Востоке до Испании на Западе.

Заметим, что культура Андалусии, или мусульманской Испании, уже в IX веке была вполне арабизированной. Альвар Павел, епископ Кордовы, так описывал среду испанских интеллектуалов своего времени:

Многие из моих единомыслителей читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться, как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на Священное Писание? Кто среди них изучает Евангелия, Пророков и Апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы¹⁵.

Что говорить о Багдаде – блистательной столице 'Аббасидов, культурном центре тогдашнего мира! Христианская апологетика на Востоке была немыслима без усвоения арабской культуры. О виртуозном владении ею свидетельствует «Башня»: ее лексика и литературная форма

– рифмованная проза – свидетельствуют о достижении арабоязычными христианами авторами Ирака уровня выдающихся арабомусульманских стилистов.

Культурная привлекательность христианства и его непротиворечивость – вот основное, что хочет донести до своих читателей создатель «Башни». Его апология не компромиссна, но облечена в форму восточной деликатности, соединяющей в себе «гордость за ортодоксию» и уважение к позиции мусульманского оппонента.

Примечания

1. *Kitāb al-mağdal* издана лишь частично. См. библиографию изданных фрагментов в: Swanson, M.N. *Kitāb al-Majdal // Thomas D., Mallett A. (eds.) Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History. Vol. 2 (900–1050). Leiden–Boston, 2010. P. 627–632.* Автором настоящей работы подготовлено издание первой главы заключительного раздела – «Tark isti'māl al-ḥitāna wa-l-istignā 'anhā bi-ṣiḥḥat ad-diyāna» – с английским переводом: Seleznyov N. “These stones shall be for a memorial”: A Discussion of the Abolition of Circumcision in the *Kitāb al-Mağdal // Scrinium. 2014. №10. P. 115-148.*
2. *Abū 'l-Barakāt ibn Kabar, Miṣbāḥ az-ẓulma fī ṭdāḥ al-ḥidma. Ǧ. 1. al-Qāhira, 1971. Ǧ. 298–300.* Седьмая глава этого энциклопедического сочинения, содержащая названный «Каталог» была издана с немецким переводом: *Riede, W. Der Katalog der christlichen Schriften in arabischer Sprache von Abū 'l-Barakāt // Nachrichten von der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philosophisch-historische Klasse. 1902. № 5. S. 635–706.* Английский перевод этой главы, основанный на издании Ридела, был осуществлен Адамом Макколэмом (Adam McCollum) и опубликован в 2009 г. на сайте *tertullian.org*
3. *Holmberg B. A Reconsideration of the Kitāb al-Mağdal // Parole de l'Orient. 1993. № 18. P. 255–273.*
4. *Assemani J.S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana: in qua manuscriptos codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Æthiopicos, Græcos, Ægyptiacos, Ibericos, & Malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI ... ex Oriente conquisitos, comparatos, avectos, & Bibliothecae Vaticanae addictos. Romae, 1719–1728. Vol. III: 1 (1725). P. 582–589.* См. также: Морозов Д.А., Герасимова Е.С. Каролус Рәли Дәдйхй и «Восточная библиотека» Ассемани: Восточный взгляд на популяризацию сирийской литературы в Европе // Символ. 2012. № 61: Syriaca–Arabica–Iranica. С. 357–370.

5. Латинский перевод оглавления был также выполнен и приложен к упомянутой выше рукописи *BnF ar.* 190 в процессе ее описания.
6. *Swanson M.N.* Kitāb al-Majdal // *Thomas D., Mallett A.* (eds.) *Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History. Vol. 2 (900–1050).* Leiden–Boston, 2010. P. 627–632 (особ. 628).
7. Эта часть *Kitāb al-mağdal* была издана Энрико Джисмонди: *Gismondi, H.* Maris, Amri et Slibae de patriarchis Nestorianorum commentaria. Ex codicibus Vaticanis edidit ac latine reddidit Henricus Gismondi. Roma, 1896–1899.
8. *BnF ar.* 190, fol.165v/P.327/Ⲙⲟ–170v/P.337/Ⲙⲟ.
9. Приведенная транскрипция не содержит флексии, подразумеваемой в текстах на классическом языке и восстанавливаемой при их устном воспроизведении. Как легко заметить, отдельные отрезки текста рифмуются по паузальным формам, что и было учтено при их транскрибировании. Не приходится сомневаться, что авторским было чтение именно по паузальным формам, т.к. чтение с учетом классической флексии не дает рифмовки: 'al-maḥabbatu niḡaḥu-ṣ-ṣalāḥi, wa-milḥu-l-falāḥi... bi-l-maḥabbati yakmalu-ṣ-ṣafā, wa-turtaḡa-z-zulfatu wa-yadūmu-l-wafā'u, wa-taṭūlu-l-'ulfatu... 'al-maḥabbatu-t-tāmmatu takūnu li-Llāhi wa-n-nāsi 'āmmatan... 'al-maḥabbatu-l-kāmilatu ni'matun šāmilatun.
10. В рукописи стоит этот номер и помета, что он ошибочен.
11. *BnF ar.* 190, fol. 210v/P.417/Ⲙⲟⲫ–226v/P.449/Ⲙⲟ. Часть этой главы во французском переводе была опубликована: *Landron B.* La vie monastique selon l'encyclopédie syrienne-orientale du Majdal // *Christianisme oriental: Kérygme et Histoire. Mélanges offerts au Père Michel Hayek / éd. Ch. Chartouni.* Paris, 2007. P. 159–173.
12. См. обзор толкований термина *ṣūfī* в: *Romanov M. G.* The Term *ṣūfī*: Spiritualizing Simple Words // *Письменные Памятники Востока.* 2006. № 2(5). С. 149–159.
13. *Landron B.* Op. cit. P. 160.
14. *BnF ar.* 190, fol. 149v/P.295/Ⲙⲟⲫ–151v/P.299/Ⲙⲟⲫ.
15. *Indiculus luminosus* // *Patrologia Latina / accur. J.-P. Migne.* T. CXXI. Paris, 1852. Col. 554–556; *Крачковский И.Ю.* Арабская культура в Испании. М.–Л., 1937. С. 11–12; *Чернина, Л.В.* «Non gente, sed fide Judaeus» и «fide et gente Hebraeus»: к проблеме вероотступничества в аль-Андалусе IX века // *Вестник РГГУ. Серия «История / Studia classica et mediaevalia».* 2008. № 12 («Кентавр» № 5). С. 136–152.